Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

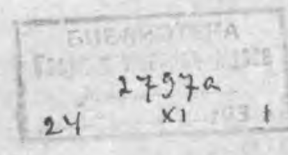
ИНСТИТУТ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ПРАВА
ЦИКа Союза ССР и ВЦИКа при Коммунистической Академии.

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ ПРАВА

418

№ 3

МАРТ
1930

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА

А. ГЕРЦЕНЗОН

СОВРЕМЕННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И АЛКОГОЛИЗМ [1]

I

В изучении преступности одно из видных мест занимает проблема алкоголизма, проблема т. н. „алкогольного фактора“ [2]. С другой стороны, и сам по себе алкоголизм есть большая социальная проблема, разрешение которой, т. е. ликвидация алкоголизма, включается в задачу культурной революции, в особенности же в эпоху реконструкции. Эти два обстоятельства ставят перед нами во всей широте вопрос об анализе и самого понятия „алкогольного фактора“, выявление конкретной роли алкоголизма в преступности и вскрытие особенностей влияния алкоголизма на последнюю в условиях переходного периода на данной его стадии. Если буржуазные и мелкобуржуазные криминологи вели бесконечный и в конце концов мало продуктивный спор на тему о большем или меньшем *решающем* значении алкоголизма в серии разнообразных факторов преступности, если одни из них приходили к выводу о главенствующей его роли чуть ли не во всех преступлениях, а другие, наоборот, сводили почти-что к нулю влияние алкоголизма, то для нас отпадает необходимость в продолжении и развитии этого бесплодного спора: как бы ни была велика непосредственная, ощутимая, видимая роль алкогольного фактора в одних преступлениях и как бы она ни падала в этиологии других преступлений—во всех этих случаях мы рассматриваем алкогольный „фактор“ в качестве одного из показателей действительной причины преступности, определяющей в конечном счете и самое существование алкоголизма — этого неизбежного и существенного для капиталистического общества элемента социально-бытовых отношений. „Случайное“ и „хроническое“ пьянство, являясь одним из следствий капиталистической эксплоатации, каналом, отводящим и разряжающим опасную и вредную для капиталистического общества энергию и культурные стремления пролетариата и могущим смазать остроту классовых противоречий,—пьянство вместе с тем облегчает и совершение преступлений, и временную или стойкую деклассацию. Алкоголизм преступников—при ближайшем его рассмотрении—не содержит в себе никаких особых, присущих исключительно „преступному миру“, черт. Алкоголизм „преступности“—это прежде всего алкоголизм рабочего,

---

[1] Из подготовляемой к печати работы „Преступность и алкоголизм в РСФСР“.

[2] См. нашу статью „Основные черты современной преступности в РСФСР“, „Рев. права“, 1929 г., № 4.

крестьянина, служащего, люмпенпролетария, в силу общих условий или особой ситуации, в которой алкоголь, несомненно, играл известную роль, совершивших то, что называется „преступлением“. Массовый характер алкоголизма, подверженность ему больших слоев пролетариата подчеркивают опасности, таящиеся в „случайном“ и „хроническом“ пьянстве, так как, повторяю, преступник-алкоголик, как правило, вовсе не отличается каким-то особым, неумеренным, исключительным потреблением алкоголя; наоборот, преступники, совершившие преступление в состоянии опьянения, сами по себе—вне алкогольных навыков — обычно являются социально не более опасными, нежели „трезвые“ преступники.

Говоря об особенностях „алкогольного фактора“ в этиологии преступности капиталистического общества, мы должны подчеркнуть следующие моменты: и преступность, и алкоголизм являются результатом социальных условий капитализма, именно в этом историческом периоде получая наиболее развернутую форму, наиболее широкое распространение. Входя существеннейшим слагаемым в быт трудящихся классов, в первую очередь пролетариата, алкоголизм накладывает свой отпечаток на самый характер социально-бытовых отношений. В одних случаях способствуя совершению преступлений, в других случаях непосредственно обусловливая их, стирая грани между дозволенным пьянством и антисоциальным деянием, алкоголизм является несомненно активным фактором бытовой преступности. С другой стороны, будучи распространен, главным образом, среди пролетарских, экономически необеспеченных масс, алкоголизм является показателем социальной неустойчивости, постоянным спутником безработицы, экономических кризисов и т. д. Отсюда—повышенное число хронических алкоголиков среди имущественных преступников, для которых, однако, решающим, непосредственным „фактором“ совершения преступления является не алкоголизм, а „фактор“ экономический, в том широком, обобщенном смысле, в каком мы его понимаем. Алкоголизм, таким образом, приобретает значение момента, способствующего, но не определяющего, деклассацию преступников.

Непрерывный рост и преступности, и алкоголизма, наблюдаемый в капиталистическом обществе, указывает на невозможность преодоления той и другого в условиях капитализма. Отсюда — все возрастающее влияние „алкогольного фактора“ в этиологии преступности, несмотря на временные его сужения в связи с проведением запретительных систем и т. п. мероприятий. Как показал опыт большинства капиталистических стран, эффективность алкогольного запрета является действительной лишь в течение сравнительно короткого периода времени. Ни конъюнктурные улучшения положения некоторых слоев пролетариата, ни общая „культурная эволюция“, осуществляемые в буржуазном обществе, естественно, ни в чем существенном не могут изменить социально-бытовых основ капиталистического строя, в которых алкоголизм является важным слагаемым.

В капиталистическом обществе и преступность, и алкоголизм существуют как необходимые придатки, необходимые следствия всей структуры общества. В этом отношении преступность и алкоголизм вряд ли могут быть названы „социальными аномалиями капиталистического общества“, ибо оба явления вполне „нормальны“ для него.

Если, таким образом, этиология преступности и алкоголизма капиталистического общества коренится в самой экономической системе капитализма, то и капиталистическая культура, социально-бытовые отношения в рамках буржуазного общества углубляют и обеспечивают развитие таких явлений, как преступность и алкоголизм, как проституция и нищен-

ство. Как бы ни повышался „культурный уровень“ буржуазного общества, какие бы успехи ни делала капиталистическая „цивилизация“ в области просвещения масс, сколько бы ни декларировалось алкогольных запретов,— все эти мероприятия не нарушают общей закономерности капиталистического общества, которая—в разрезе интересующих нас проблем—состоит в росте имущественной преступности в периоды кризисов и понижений экономической кон'юнктуры, и в возрастании преступлений против личности—в периоды экономического под'ема.

Итак—наш основной вывод—капиталистическая культура так же, как и экономика капиталистического общества, не могут, и, действительно, не вносят никаких изменений в закономерности развития преступности и алкоголизма.

Поскольку алкоголизм продолжает существовать и в обществе переходного периода, на данной стадии его развития, несмотря на то, что ныне уже отпала основная причина алкоголизма, но существует еще ряд условий преимущественно социально-бытового порядка, поддерживающих стойкость алкогольного злоупотребления, постольку остаются в силе, в большей или меньшей степени, характер и формы влияния „алкогольного фактора“ на преступность, присущие, как мы видели, капиталистическому обществу.

I

Роль и значение „алкогольного фактора“ в этиологии современной преступности ясны, так же как ясны и формы влияния алкоголя на совершение преступлений. В центре нашего внимания должны стоять вопросы о причинах роста алкоголизма за последние годы, о причинах роста числа преступлений против личности и о причинах несомненного увеличения роли алкоголизма в этиологии современной преступности, ибо одной ссылкой на рост алкоголизма мы не решаем вопроса об увеличении уровня преступности, но, наоборот, лишь затемняем самую проблему, стираем грани между периодом капитализма и периодом строящегося социализма.

Постановка этих вопросов тем более важна, что очень часто при недиалектическом исследовании „факторов преступности“ за внешним совпадением этих факторов, за внешним совпадением колебаний современной преступности и алкоголизма с такими же „факторами“ и кон'юнктурными колебаниями, присущими капиталистическому обществу, теряется социально-экономическая перспектива, затушевываются основные и решающие различия закономерностей капиталистического общества и общества переходного периода.

Приведем некоторые данные, характеризующие уровень современного алкоголизма в РСФСР и его роль в современной преступности.

Данные Центроспирта о душевом потреблении 40° водки в РСФСР рисуют следующую картину (в литрах).

Душевое потребление хлебного вина в 1925/26—1927/28 в РСФСР

Местность	1913	1925/26	1926/27	1927/28
Город	22,63	6,15	9,47	10,21
Сельск. местность . .	6,51	0,98	1,97	2,71
РСФСР	8,61	1,85	3,20	4,06

Согласно этим данным душевое потребление 40^0 водки с 1925/26 по 1927/28 гг. возросло с 1,85 лит. до 4,06 лит., или на 120%, составляя около 45% довоенного потребления. Городское потребление, так же как и в дореволюционной России, выше сельского. Повышение душевого потребления в сельских местностях идет значительно интенсивнее, нежели в городе: в первом случае в 1927/28 г. по сравнению с 1925/26 г. рост выразился коэфициентом 2,8, а во втором случае—лишь 1,7. Все же и городское, и сельское потребление 40^0 водки не достигает довоенного уровня, составляя в городе 45%, а в деревне—42%.

Эта картина, однако, резко меняется, если мы используем данные о потреблении самогона в деревне.

Учитывая потребление 40^0 хлебного вина, самогона, виноградного вина и пива, получаем следующие цифры душевого п требления в 1927 году.

Душевое потребление всех видов алкоголя в 1927

1. Хлебное 40° вино	0,28	ведра
2. Самогон в пер. на 40°	0,38	„
3. Виногр. вино и пиво в пер. на 40°	0,05	„
Итого	0,71	
То же в 1913	0,7	

Согласно этим данным душевое потребление алкоголя в настоящее время достигло уровня 1913 года—и именно благодаря потреблению самогона.

С этими поправками городское и сельское потребление алкоголя принимает следующий вид в сопоставлении с 1913 г.

Сельское потребление в 1927 г. уже превысило 1913 г., который, как известно, был годом высокого потребления; городское же потребление не достигло половины довоенного уровня. Вместе с этим душевое потребление города выше сельского—на 37%, тогда как в 1913 году городское потребление было в $3^1/_2$ раза выше сельского.

Таким образом деревенский алкоголизм имеет тенденцию догнать городской, и этот процесс происходит в значительной степени за счет потребления самогона.

В 1928/1929 гг. картина потребления алкоголя начинает изменяться. Данные Центроспирта говорят о значительном сокращении темпа роста потребления алкоголя, а по городским местностям—даже о существенном сокращении потребления.

	В городах	В сельск. местн.	Итого
1927/1928	22 162	28 664	50 826
1928/1929	17 736	34 286	52 022

С другой стороны, в 1928 году резко сократилось и потребление самогона. По данным обследования ЦСУ РСФСР в 1929 г. сельским населением было выкурено около $^1/_3$ того количества, которое было выкурено в 1927 г., в результате чего душевое потребление водки и самогона сократилось с 9,3 л. до 4,6 литра.

Наконец, расход на алкоголь в бюджете рабочего в конце 1927 сократился до 2,4% против 2,8% в ноябре 1927 г.

Таким образом все используемые источники гово ят

переломе в алкогольном вопросе в настоящее время,

Переходя к анализу связи, существующей между динамикой потребления алкоголя и преступностью, мы прежде всего должны остановиться на численности осужденных, бывших в момент совершения преступления пьяными. Нужно указать на факт, имевший место и в дореволюционной уголовной статистике, и сохранившийся у нас: в данных о числе пьяных и трезвых преступников имеется значительное количество лиц, в отношении которых неизвестно, в каком состоянии они находились в момент совершения преступления.

Напомним, что в дореволюционной статистике число „неизвестных" превышало число „пьяных" в два раза; так, например в 1904—1905 гг. в общем числе осужденных окружными судами 96 359 чел. было: трезвых 79 840 чел., пьяных—5 097 чел. и „неизвестных"—11 422. Именно в связи с большим числом „неизвестных", а также с несомненной неполнотой обнаружения опьянения Е. Н. Тарновский считал фактический процент пьяных среди осужденных в два раза выше, нежели по официальным исчислениям.

В СССР в 1926 году в общем числе 765 505 осужденных было: 92 436 чел. пьяных, 455 219—трезвых и 217 850—неизвестных. Исчисляя процент пьяных ко всему числу осужденных, мы получаем 12,1; исчисляя же этот процент к числу осужденных за вычетом неизвестных, мы получаем 16,8.

То же самое имеет место и в данных уголовной статистики РСФСР.

% пьяных среди осужденных в 1925 и 1926
(сводные данные)

	1925	1926	Во сколько раз увеличилось
% пьяных к общему числу осужденных	5,1	12,7	2,5
% пьяных к числу осужден., без неизвестных .	7,3	17,9	2,6

Несмотря на различия в высоте процента пьяных, в зависимости от метода его исчисления, увеличение процента в динамическом разрезе почти одинаково.

Нам представляется более правильным при определении процента пьяных исключать из общего числа осужденных группу „неизвестных": если по отдельным категориям преступлений этот процент и может показаться несколько повышенным, то в целом мы вряд ли сильно отклонимся от действительности, хотя бы по одному тому, что судебная статистика, как уже говорилось, неполно учитывает влияние опьянения на совершение преступлений.

Движение числа „пьяных" и „трезвых" преступников может быть представлено следующей таблицей.

Численность пьяных и трезвых преступников
в 1925—1927

	1925	1926	1927	1928[3]
Пьяные	27 896	89 998	122 060	156 237
Трезвые	354 795	412 896	395 055	437 731
Итого . .	382 691	502 894	517 115	593 968

Нужно указать, что данные ЦСУ не вполне могут быть использованы для исследования динамики преступности; полученные из разработки

[3] Данные предварительные.

листков об осужденных, эти данные в силу своей неполноты нуждаются в специальной обработке.

В отношении же данных о числе „пьяных" и „трезвых" преступников следует сказать, что в некоторой степени увеличение первых вызывается улучшением учета, лучшим заполнением листков и т. д. Но все же это обстоятельство не может сыграть особенно большой роли в увеличении числа „пьяных" в 3,2 раза в 1926 г. и в 4,3 раза в 1927 г. при сравнительно меньшем увеличении числа „трезвых" преступников. Мы приходим к заключению, таким образом, что увеличение числа „пьяных" среди осужденных отражает действительное увеличение роли алкоголизма в этиологии преступности. Если в 1925 г. процент пьяных составлял лишь 7,5, то в 1926 г. он повышается до 17,9, в 1927 г.—до 23,6 и в 1928 г. достигает 26,3%, или более чем утраивается.

Перейдем к рассмотрению отдельных категорий преступлений.

Процент пьяных в момент совершения преступления среди осужденных в 1925—1927 гг. непрерывно и по всем категориям преступлений растет.

Среди осужденных за преступления против порядка управления процент пьяных с 3,2 возрастает до 5,6 в 1927 году. Наиболее выделяются по высоте процента или по темпу его роста оскорбление власти, где процент пьяных достигает 50, присвоение власти (41,1) и массовые беспорядки и бандитизм, среди осужденных за которые процент пьяных с 2,1 повышается до 16,7.

Мы укажем здесь на наиболее характерные—в смысле роли алкоголизма при совершении преступления—категории преступлений.

Наиболее значительна роль алкоголя в преступлениях бытовых и в первую очередь—в преступлениях против личности. Достаточно сказать, что в 1925 г. было 16,1% „пьяных" преступников этого рода. В 1926 г. этот процент достиг 39,5, а в 1927 г. уже—49,6; за три года имело место, таким образом, более чем троекратное увеличение. По высоте процента пьяных выделяется прежде всего хулиганство, которое в данном случае мы отнесли к преступлениям против личности, тяжкие телесные повреждения и некоторые другие из квалифицированных преступлений против личности. Наоборот, среди осужденных за менее серьезные преступления этого рода, например за дела частного обвинения, число и процент пьяных сравнительно понижены.

В имущественных преступлениях роль алкоголя непосредственно менее заметна: процент пьяных в среднем здесь колеблется в 1925—1927 гг. между 5,8 и 13,8. Однако среди грабителей и поджигателей мы находим довольно значительное число лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения: в первом случае процент пьяных достигает в 1927 г. 30,3 (против 13,1 в 1925 г.), а во втором случае колеблется между 31,8 и 47,2—в зависимости от характера поджога или истребления имущества.

В общем же, говоря о роли опьянения при совершении преступления' мы должны отметить не только высокий процент пьяных среди осужденных по отдельным категориям преступлений, но и значительный темп роста этого процента за трехлетие 1925—1927 гг.; это является фактом, неизвестным дореволюционной уголовной статистике, когда процент пьяных сравнительно медленно повышался. Вместе с тем необходимо отметить начало перелома в 1928 г., когда этот темп роста значительно сжимается или даже сходит на нет.

Сопоставляя душевое потребление алкоголя в городе и деревне с рядом показателей городской и сельской преступности, мы приходим к следующим выводам.

Потребление алкоголя и уровень городской и сельской преступности в 1927

Показатели	Город	Деревня	Итого
Душевое потребление алкоголя	0,84	0,61	0,66
Число возникших дел о преступлениях против личности на 100 000 населения	704	343	398
Число осужденных за преступления против личности на 100 000 населения	272	148	169
% пьяных среди задержанных органами милиции	75,2	55,1	70,7
% пьяных среди осужденных всех категорий	24,5	22,2	23,6
% пьяных среди осужденных за преступления против личности	57,2	47,6	49,6

Повышенному, по сравнению с сельским, городскому душевому потреблению алкоголя соответствуют и повышенное число возникших в городе дел о преступлениях против личности, и повышенное число осужденных этой категории. В городе мы встречаем более высокий процент пьяных среди задержанных органами милиции и более высокий процент пьяных среди осужденных.

Рассматривая потребление алкоголя и уровень городской и сельской преступности в губернском масштабе, мы должны отметить довольно значительные колебания показателей, смещение географических центров преступности и алкоголизма по сравнению с дореволюционными данными. К сожалению, это явление не может быть прослежено нами в динамическом разрезе, так как данные об алкоголизме города и деревни могут быть использованы лишь за один год или в крайнем случае за 2 года (1927—1928 гг.).

Предварительное исследование процессов, происходящих в преступности, с одной стороны, и в потреблении алкоголя, с другой,—дало материал для следующих основных выводов:

а) о преступности (1926—1928 гг.) Рост числа преступлений против личности при стабильности или даже некотором сокращении числа имущественных преступлений. Повышенный по сравнению с сельскими местностями уровень городской преступности и, в частности, преступлений против личности. Непрерывный рост числа преступников, совершивших преступление в состоянии опьянения. Повышение кривой преступлений против личности происходит как раз преимущественно за счет «пьяной преступности». Повышенный по сравнению с деревней процент пьяных преступников, хотя в то же время процесс увеличения этого процента в деревне идет более интенсивно, нежели в городе.

б) о потреблении алкоголя. Непрерывный и значительный до 1928/29 г. рост потребления алкоголя как в городе, так и в деревне, причем в сельских местностях этот процесс более интенсивен, нежели в городе, что частично об'ясняется вытеснением самогона хлебным вином. Несмотря на интенсивное потребление алкоголя, уровень его все же в среднем еще не превышает довоенного уровня: городское потребление в 1927 г. не достигает 50% довоенного уровня; сельское же потребление с учетом самогоноварения уже превысило этот уровень. С 1928/1929 г.

намечаются новые тенденции в динамике потребления алкоголя: снижение городского потребления и резкое снижение самогоноварения.

Сопоставление двух рядов явлений статистически затруднено тем обстоятельством, что в нашем распоряжении имеется материал лишь за 3—4-летний период времени; вдобавок и эти данные не вполне совпадают по времени.

Учитывая эти замечания, мы можем составить лишь следующую таблицу.

Динамика преступности и потребления алкоголя в 1925—1928

Показатели	1926	1927	1928	Примечания	
Осуждено за преступления против личности тыс. чел.	181	205	252	Данные НКЮ	—
% пьяных среди осужденных за преступления против личности . . .	39,5	49,6	49,0	Данные ЦСУ	—
Душевое потребление хлебного вина (в литрах)	1,85	3,20	4,06	Данные за 1925/26, 1926/27 и 1927/28 хоз. гг.	

Итак, повышение уровня душевого потребления алкоголя сопровождалось в 1926—1928 г. как увеличением общего числа осужденных за преступления против личности, так и повышением % пьяных среди преступников.

III

Исследование роли алкоголизма в современной преступности не может быть ограничено констатацией численности „пьяных" и „трезвых" преступников, так же как не может оно ограничиться и описанием развития кривой преступности и потребления алкоголя.

Методологически важен переход от исследования влияния на преступность непосредственного в момент совершения преступления опьянения к исследованию влияния алкоголизма в тесном смысле слова и его характера у преступников. Если опьянение при совершении преступления может зачастую представиться случайным в цепи других явлений, то, например, наличие у данной группы преступников стойкого хронического алкоголизма эту случайность превращает в систему закономерных процессов. Важность такого подхода к изучению проблемы алкоголизма в преступности очевидна.

Определяя характер алкоголизма преступников, мы сталкиваемся с необходимостью выяснить его продолжительность, его стойкость. С другой стороны, приобретает большое значение выявление соотносительности между началом алкоголизма и началом „криминальной деятельности", ибо, разумеется, эта связь в различного рода преступлениях может определяться по-разному: в одном случае мы столкнемся с алкогольным происхождением преступления, в других случаях, наоборот, с профессионально-криминальным происхождением алкоголя, а в-третьих—алкоголь явится спутником и „криминального", и „социального" поведения.

Приобретает особо важное значение исследование алкоголизма преступников в связи с основными их социальными показателями. Сюда относятся: социально-классовый состав, специально - криминальная характеристика (прошлые судимости), социально-бытовые условия и ряд других моментов.

Выяснение этих особенностей алкоголизма преступников важно еще и потому, что нам достаточно известны различия алкоголизма отдельных

классовых групп, отдельных возрастных группировок и т. д. Сопоставляя алкоголизм населения с алкоголизмом преступников, мы могли бы установить своеобразную роль алкоголизма в отношении преступности. К сожалению, осуществление такого исследования в сильнейшей степени затруднено отсутствием подробной разработки подробных данных об алкоголизме населения, не говоря уже об алкоголизме отдельных классов и т. п.

Систематическое обследование преступников, производимое Московским кабинетом по изучению преступности в течение 6 лет по большой анкете, коснулось, наряду с другими вопросами, и вопроса об алкоголизме преступников. В противоположность данным официальной уголовной статистики, учитывающей лишь наличие или отсутствие опьянения при совершении преступления, анкета Московского кабинета останавливается также и на времени начала употребления алкоголя, и на характере его. При разработке анкет Московского кабинета мы получаем возможность использовать не только суммарные цифры (6 тыс. анкет), но и диференцировать проблему алкоголизма в преступности по ряду специальных признаков; так, например, можно установить зависимость между интенсивностью употребления алкоголя и занятиями, судимостями, возрастом преступников и т. д. Все это, естественно, значительно углубляет выводы, полученные в результате изучения данных официальной уголовной статистики.

Наличие или отсутствие опьянения при совершении преступления является, как мы уже говорили, первым и наиболее простым показателем влияния алкоголизма на этиологию преступности. Но этот показатель все же является грубоориентировочным для суждения о роли алкоголизма в преступности, о характере алкоголизма и совершенно не дает ответа на вопрос о стойкости, систематичности или, наоборот, случайности алкоголизма в данном конкретном случае или же в более сложном ряде среди отдельных социальных групп, отдельных возрастных группировок и т. д.

В самом деле, рассматривая соотношение *состояния* опьянения в момент совершения преступления и *характера* алкоголизма, обследованных независимо от факта данного преступления, мы убеждаемся в том, что и среди т. н. „трезвых“ преступников, т. е. в момент совершения преступления бывших трезвыми, имеется довольно значительный $^0/_0$ лиц, в той или иной степени употребляющих алкоголь. Суммируя данные о трех рассматриваемых видах имущественных преступлений — краже, грабеже и мошенничестве, — мы получаем следующую таблицу.

Алкоголизм и опьянение при совершении преступлений

Преступление совершено	Алкоголизм: Случайный	Хронический	Запойный	Итого	Не пьют	Всего
В пьяном виде	35,4	55,5	9,1	100,0	—	100,0
В трезвом виде	15,4	3,9	1,3	20,6	79,4	100,0

Из этой таблицы явствует, что 20,6$^0/_0$, или $^1/_5$ всех „трезвых“ преступников употребляют алкоголь, но в момент совершения преступления они были трезвыми. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что частота совершения преступлений в пьяном виде зависит и от характера обычного употребления алкоголя: так, например, хроники дают 84,3$^0/_0$ пьяных в момент совершения преступления, а „случайные“ алкоголики — лишь 45,3$^0/_0$. Эти факты, разумеется, не могут выпасть из поля зрения нашего исследования.

Рассматривая соотношение пьющих и не пьющих, с одной стороны, пьяных и трезвых, с другой стороны, в динамическом разрезе, мы наблюдаем следующую весьма любопытную картину.

Движение % алкоголиков и % пьяных среди обследованных преступников

Показатели	1923	1924	1925	1926	1927
Алкоголизм случайный	46,3	43,2	45,3	53,2	54,3
„ хроническ.	24,3	30,7	29,0	29.0	31,5
„ запойный. .	3,0	5,8	4,4	6,6	3,7
Итого	73,6	79,7	78,7	88,8	89,5
Совершили преступление в пьяном виде. .	23,5	25,3	34,7	39,5	52,8

Таблица рисует непрерывный—из года в год—рост и % пьяных, и % вообще употребляющих алкоголь.

Все это заставляет нас сугубо серьезно отнестись к вопросу о характере алкоголизма обследованных, независимо от того, в каком состоянии они совершили свое преступление.

Обследование Московского кабинета по изучению преступности позволяет нам осветить и эту сторону интересующего нас вопроса. О характере алкоголизма московских преступников можно судить по нижеследующей таблице, в которой выделен „случайный“, „хронический“ и „запойный“ алкоголизм.

Характер алкоголизма обследованных преступников

Преступления	Количество обследован.	% употребляющих алкоголь	В том числе Случайно	Хронически	Запойно
Кража.	2 955	57,5	33,4	20,3	3,8
Мошенничество. . . .	441	60,6	38,6	18,6	3,4
Грабеж	626	67,4	37,4	26,3	3,7
„Социально-опасные“ .	433	63,7	29,1	31,7	2,9
Растрата	507	77,8	52,7	20,0	5,1
Убийство	236	74,1	51,1	19,8	3,2
Хулиганство.	270	83,6	61,1	21,1	1,4
Всего . . .	5 468	63,1	37,8	21,7	3,6

Согласно приведенным данным 63,1%, или почти ⅔ общего числа обследованных преступников, в той или иной степени употребляют алкоголь: больше ⅓ всех обследованных и свыше половины из числа „пьющих“ употребляют алкоголь „случайно“, т. е. в компании, в известных условиях, в связи с определенным бытовым укладом и т. д. Около ⅕ всех исследованных и ⅓ употребляющих алкоголь пьют хронически. Наконец 3,6% падает на запойных пьяниц. Такова общая картина алкоголизма обследованных преступников. Рассматривая же отдельные категории преступников, мы наблюдаем значительные и весьма характерные вариации.

По большинству имущественных преступлений, вошедших в обследование, % употребляющих алкоголь относительно понижен по сравнению со средним и с преступлениями против личности. Исключение составляют грабители и растратчики, среди которых мы находим приближающийся к преступлениям против личности % алкоголиков. Различиям в % алкоголиков среди указанных категорий преступлений соответствуют и особенности самого характера алкоголизма. Среди убийц и хулиганов мы находим преобладание случайных пьяниц—около 70% в первом случае и около 73%—во втором (% исчислен к числу пьющих). Среди имущественных же пре-

ступников, за исключением растратчиков, % случайных пьяниц не превышает 50—60. Что же касается растратчиков, то среди них, как было только что отмечено, % случайных пьяниц очень высок, достигая уровня преступлений против личности. Соответственно указанному распределению случайных пьяниц среди обследованных категорий преступников, мы находим повышенный % хроников и запойных пьяниц в числе имущественных преступников и, наоборот, пониженный % среди преступлений против личности.

Остановимся на длительности алкоголизации преступников, на алкоголизме отдельных социальных групп среди них, а также на алкоголизме первичных преступников и преступников-рецидивистов.

Характер алкоголизма и возраст преступников ко времени начала употребления алкоголя

С какого возраста началось потребление алкоголя	Число обследованн.	%	Характер алкоголизма ко времени обследования			
			Случайн.	Хронич.	Запойн.	Итого
До 14 лет	233	10,0	18,7	75,2	6,1	100,0
14—16 „	587	25,1	38,5	53,3	8,2	100,0
17—18 „	555	23,7	57,7	38,1	4,2	100,0
19—20 „	391	16,7	57,0	36,7	6,3	100,0
21—30 „	486	20,8	57,9	36,4	5,7	100,0
31—40 „	67	2,9	37,1	51,6	11,3	100,0
свыш. 40 лет	20	0,9	35,0	45,0	20,0	100,0
Итого . . .	2 339	100,0	47,5	45,9	6,7	100,0

Какой же вывод можно делать из анализа времени начала употребления алкоголя и характера его ко времени обследования у рассмотренных нами категорий преступлений и преступников? Прежде всего необходимо указать на общее для всех категорий преступников раннее начало употребления алкоголя—не только в юношеском, но и в детском возрасте. В этом отношении алкоголизм хулиганов и убийц мало чем отличается от этиологии алкоголизма воров и грабителей. Речь может идти лишь о растратчиках и „социально-опасных", среди которых меньшая часть начала пить в раннем возрасте.

Далее следует отметить, что между временем начала алкоголизма и его характером ко времени обследования обнаруживается связь, заключающаяся в том, что стойкость (хроничность) алкоголизма находится в прямой зависимости от ранней алкоголизации: чем раньше обследуемые начали пить, тем больше среди них хроников-алкоголиков; наоборот, среди подвергшихся алкоголизации позднее мы находим большее число „случайных" пьяниц.

Однако, сам по себе ранний алкоголизм не может служить показателем будущей „преступности". Об этом, быть может, пришлось бы говорить, да и то с большими оговорками, в том случае, если бы имелись данные о начале алкоголизма у „непреступного" населения и если бы эти данные говорили бы о существенном отличии раннего алкоголизма будущих преступников. Зная же о распространенности алкоголизма в среде городского, в особенности в его пролетарской части, а также и деревенского населения, мы не имеем никаких оснований раннему алкоголизму преступников приписывать особые „криминальные" свойства. На этот вывод нас наводит и тот факт, что среди основных рассмотренных нами категорий преступников, на которые алкоголь воздействует различным образом (напр., хулиганы и воры), мы не нашли сколько-нибудь существенных различий.

Алкоголизм преступников и их социальное положение

Социальное положение	Общ. число обследованн.	%	Алкоголизм Случайн.	Хронич.	Запойн.	Итого
Рабочие	568	10,4	50,0	17,1	3,0	70,1
Крестьяне.	160	2,9	50,6	11,3	3,8	65,7
Служащие.	795	14,6	48,6	19,5	3,1	71,2
Кустари.	263	4,8	36,5	20,9	5,3	62,7
Безработные.	641	11,7	39,9	14,8	3,0	57,7
Торговцы - промышленн.	590	10,8	36,6	16,3	3,4	56,3
Деклассиров.	1 474	27,2	30,7	35,1	4,2	70,3
Прочие	968	17,6	30,1	15,9	3,0	49,0
Итого . . .	5 449	100,0	37,8	21,7	3,6	63,1

Общий вывод анализа социального состава обследованных преступников в связи с их алкоголизмом: в имущественной преступности повышенный уровень алкоголизма падает на группу деклассированных, в которую входят преступники профессионалы и рецидивисты. Для этой группы характерно преобладание хронического алкоголизма—в противоположность большинству прочих социальных групп, которым более свойственен случайный алкоголизм. Уровень алкоголизма рабочих выше уровня алкоголизма крестьян. В преступлениях против личности преобладает алкоголизм рабочих, крестьян и служащих; этот алкоголизм носит, как правило, характер случайного.

Сопоставляя наши выводы с имеющимися данными о распространенности алкоголизма среди различных классов и групп населения, мы убеждаемся в том, что алкоголизм преступников в основном совпадает с алкоголизмом соответствующих социальных групп.

Алкоголизм и судимости преступников

Число судимостей	Общ. число обследованн.	%	Алкоголизм Случайн.	Хронич.	Запойн.	Итого
Не судились.	2 791	51,2	40,8	13,7	2,5	57,0
Судились 1 раз	1 154	21,1	39,0	20,8	3,3	63,1
„ 2 „	547	11,0	35,8	31,1	4,5	71,4
„ 3 „	314	5,7	33,2	36,4	4,0	73,6
свыше 3 раз.	510	9,0	27,1	47,6	7,6	82,3
Итого (вкл. неизв.) .	5 449	100,0	37,8	21,7	3,6	63,1

Алкоголизм рецидивистов, преступников профессионалов и в количественном и в качественном отношениях более высок, нежели у первичных преступников. По мере „накопления" судимостей растет и % алкоголиков, а среди последних—% хронических пьяниц.

Таковы основные итоги изучения материалов относительно роли алкоголизма в современной преступности. В сжатом виде эти итоги могут быть сформулированы следующим образом.

Рост потребления алкоголя как в деревне, так и в городе; не достигшее в среднем довоенного уровня душевое потребление алкоголя в городе; повышенное по сравнению с другими социальными группами потребление городского пролетариата; превышение довоенного уровня потребления алкоголя (включая самогон) в сельских местностях; наконец, достижение довоенного уровня потребления алкоголя в среднем по РСФСР—таковы *основные* моменты в алкоголизме 1926—1928 гг. В 1928—1929 гг. намечается сжатие потребления алкоголя: в городе на 20%, а в деревне, учитывая сокращение самогоноварения, почти наполовину.

Рост числа преступлений против личности за ряд последних лет при

стабильном или несколько понижающемся уровне имущественных преступлений, участие в них рабоче-крестьянских, по преимуществу, слоев населения; преобладание молодежи среди осужденных, высокий и из года в год растущий $^0/_0$ осужденных, совершивших преступление в состоянии опьянения, возрастание контингентов преступников-алкоголиков, при этом не только выросших в условиях капиталистической России, но и молодежи, т. е. главным образом лиц, дореволюционной России почти не знавших,—таковые основные черты бытовой преступности, в частности преступлений против личности в 1926—1928. В дальнейшем (1928—1929 гг.) намечается приостановление роста числа преступлений против личности, замедление увеличения $^0/_0$ пьяных среди преступников, что нельзя не признать симптоматичным.

IV

Основной вопрос, который встает теперь перед нами, может быть сформулирован следующим образом: является ли под'ем кривой потребления алкоголя и кривой преступлений против личности, имевший место в конце восстановительного периода, до начала реконструктивного периода, выражением закономерности развития „надстроечных явлений“,—преступности, алкоголизма и т. д.,—обычной в условиях капиталистического общества, или же этот под'ем отражает иные, более сложные процессы, происходящие в обществе переходного периода?

Механическое перенесение в условия переходного периода об'яснения закономерного развития тех или иных явлений, присущего капиталистическому обществу, неприемлемо уже по одному тому, что в самой экономической системе переходного периода, в ее развитии заключены коренные отличия от системы и развития экономики капиталистического общества. Резолюция XV с'езда партии по вопросу о составлении пятилетнего плана народного хозяйства дает четкую характеристику этих отличий.

„Диктатура пролетариата, пролетарская национализация средств производства, транспорта, кредита, внешней торговли, национализация земли—все эти предпосылки обусловили развитие экономики СССР на принципиально иных, социалистических началах. Принципиально иным стало социально-классовое содержание командных экономических высот, определяющих развитие всего народного хозяйства в его целом. Принципиально иным стало соотношение между городом и деревней, ибо индустрия обратилась „лицом к деревне“, ставши могучим фактором ее социалистического преобразования, и рост внутреннего рынка начал выражать собою, в отличие от капитализма, не процесс разорения деревни, а рост ее благосостояния. Принципиально иной стала организационная форма народного хозяйства, поскольку—на основе национализации крупной промышленности и других командных высот—стало возможным плановое хозяйственное руководство, все более вытесняющее анархию товарно-капиталистического рынка. Принципиально иным стало и распределение национального дохода, в силу почти полной ликвидации прежде господствовавших классов и связанного с этим уничтожения значительной доли непроизводительного потребления вообще“.

Соответственно особенностям экономической системы переходного периода совершенно иную, принципиально иную, по сравнению с капиталистическим обществом, роль играет строительство социалистической культуры. Поскольку в обществе переходного периода отпадает основная решающая причина „социальных аномалий“, степень сжатия последних (на

первых порах) или отмирания их (в дальнейшем) определяется интенсивностью социалистического строительства, степенью замены старой буржуазной культуры новой, социалистической, степенью перестройки старого быта.

Новые экономические формы определяют и новые формы бытового уклада. Однако в условиях коренной ломки общества не исключена возможность отставания последних от опережающего развития социалистической экономики. Образующаяся таким образом диспропорция накладывает свой отпечаток на характер и развитие бытовой преступности и, естественно, ряда других явлений, благодаря стойкости старых бытовых отношений, старых бытовых навыков; остаются в силе старые формы бытовых конфликтов на почве частичного воспроизводства неизжитого дореволюционного уклада, но и создаются новые типы конфликтов — на почве существования именно этой диспропорции.

Анализ этой диспропорции сопряжен со значительными трудностями как методологического, так и чисто статистического порядка. Эти трудности в значительной степени возрастают в том случае, когда мы переходим от исследования базисных и надстроечных явлений восстановительного периода к исследованию аналогичных явлений в реконструктивном периоде. Еще Ф. Энгельс в свое время отмечал недостаточность так называемого статистического метода. В предисловии к „Борьбе классов во Франции" он писал: „При суждении о событиях и группах событий современной истории никогда не будет возможности дойти до последних экономических причин. Даже теперь, когда соответствующая специальная литература доставляет такой богатый материал, невозможно даже в Англии изо дня в день проследить ход промышленности и торговли на мировом рынке, равно как и все изменения, происходящие в способах производства,— невозможно проследить так, чтобы в любой момент можно было вывести общий итог из этих многообразных, переплетающихся и постоянно меняющихся факторов. Самые важные из них к тому же по большей части в течение долгого времени действуют в скрытом состоянии, пока наконец внезапно и мощно не найдут себе применения. Ясная картина экономической истории данного периода не может быть приобретена, пока этот период еще не завершился: она приобретается лишь потом, post factum, когда уже собран и просеян материал. Статистика является здесь необходимым вспомогательным средством, а она плетется всегда позади. Поэтому по отношению к текущей современной истории слишком часто приходится рассматривать фактор, имеющий наиболее решающее значение как постоянный, экономическое положение, сложившееся к началу изучаемого периода, как постоянное и неизменное для всего периода; или же приходится обращать внимание лишь на такие изменения в экономическом положении, которые вытекают из явных несомненных событий и потому так же ясны и несомненны, как сами эти события. Само собою понятно, каким источником ошибок является неизбежное игнорирование одновременно происходящих изменений экономического положения, этого истинного базиса всех исследуемых событий".

С правильностью этих положений Энгельса мы сталкиваемся и поныне, и в частности в связи с анализом проблемы „культурных ножниц". Даже в пределах одного восстановительного периода непрерывные изменения в экономике не позволяют нам искусственно изолировать экономическое строительство от строительства новой культуры. „Истинный базис всех исследуемых событий", определяя собою направление и темп развития надстроек, вместе с тем активируется последними. Поэтому, расчленяя в целях анализа эти сложные процессы в пределах восстановительного периода,

мы не должны упускать из виду и их диалектической связанности, взаимозависимости. Вместе с тем необходимо учитывать и качественные изменения, проистекавшие и в нашей экономике, и в нашей культуре в период восстановления народного хозяйства,—изменения, в известный момент приведшие к началу реконструкции, к усилению темпа социалистического строительства. Статистика здесь по обыкновению плетется в хвосте, да и вряд ли ее современное состояние может дать точную качественную характеристику особенностей данной стадии реконструктивного периода,—особенностей взаимодействия строительства социалистической экономики и социалистической культуры, модификации „культурных ножниц".

Проделанный выше анализ относится преимущественно к восстановительному периоду. Поэтому наши выводы прежде всего должны коснуться последнего.

Экономический под'ем СССР, в первую очередь отразившийся на повышении материального уровня рабочего класса, обусловил и расширение его культурных потребностей. Аналогичное явление имело место и у бедняцко-середняцкой части крестьянства. Эти культурные потребности в истекшем периоде не могли быть удовлетворены в полной мере—ни в количественном, ни в качественном отношении. Отсюда естественный отход от приобретения культурных навыков у некоторых слоев рабоче-крестьянской молодежи, обращение ее к навыкам и традициям старобытовых отношений. С другой стороны, говоря о ломке старого быта, о строительстве социалистической культуры, мы не должны упускать из виду не только „издержек революции", не только столкновений старого и нового быта, но и „болезни роста", но и усиленное сопротивление старого мира всяким проявлениям нового мира. Всяческая поповщина, ведущая яростную борьбу с социалистическим строительством, представляющая собой одно из проявлений классовой борьбы, в отдельных случаях прорывает фронт культурного социалистического строительства, чему немало способствует количественная и качественная недостаточность клубной, просветительной работы и т. п. Результат сказался очень скоро—в виде роста сектантства, непомерного увлечения определенной части молодежи вечеринками, танцульками, а следовательно, при отходе этой части молодежи от социалистического строительства, и пьянством. Таковы, как нам представляется, результаты упомянутых „ножниц" между культурным и экономическим строительством—по крайней мере в отношении молодежи. Что же касается старшего поколения в его отсталой части, воспитанного целиком в условиях капиталистической России, то оно благодаря далеко еще не изжитым навыкам и традициям бытового уклада, на основе возросшего материального уровня жизни, не будучи в достаточной степени втянуто в новую культурную жизнь, естественно реализует свои возможности „по-старинке". А эта „старинка" пропитана пьянством, кулачными боями, мордобоем, поножовщиной. Сказанное, разумеется, не относится к передовой, организованной части пролетариата и бедняцко-середняцкого крестьянства, но все же и в отношении их приходится констатировать неполное восприятие идей и навыков новой культуры.

Результаты „культурных ножниц" усугублялись на первых порах ломкой старых бытовых отношений, когда новые лозунги и идеи зачастую еще воспринимаются в кривом зеркале; отсюда рост бытовых преступлений против личности, именно тех, в которых столь ощутительна непосредственная роль алкоголя.

Итак анализ культурных и экономических „ножниц" приближает нас к уяснению общих процессов, благодаря которым в условиях социали-

стического строительства на данной стадии его развития как бы остается в силе закономерность, присущая капиталистическому обществу и состоящая в повышении кривой преступности и алкоголизма в периоды экономического под'ема, но в условиях переходного периода об'ясняемая преимущественно отставанием культурного строительства от строительства экономического.

В капиталистическом обществе проблема „ножниц" между культурой и экономикой по вполне понятным причинам не ставится и не может ставиться, по крайней мере в том ее понимании, в котором она ставится у нас. Эти „ножницы" есть специфическое явление, специфический процесс, присущий обществу переходного периода на известной стадии его развития.

Отвечая на основной поставленный нами вопрос о характере закономерности развития преступности и алкоголизма и связи между ними в наших условиях, мы можем дать следующую формулировку: повышение уровня потребления алкоголя и рост кривой преступлений против личности в значительной своей части обусловлены наличием диспропорции между повышением кривой социалистической экономики и повышением уровня социалистической культуры. Поскольку же экономический под'ем СССР принципиально отличен от „кон'юнктурного" под'ема кривой капиталистического развития и сопровождается лишь ему присущей диспропорцией между экономическим и культурным строительством, поскольку эти «ножницы», в конечном счете об'ясняющие существование указанной закономерности, имеют тенденцию к „отмиранию", постольку и весь процесс динамики преступности и алкоголизма приобретает особый, присущий обществу переходного периода характер.

Постепенное сжатие, а затем и отмирание „культурных ножниц" в связи с усилением социалистического сектора экономики, в связи с развитием сектора социалистической культуры, трансформация старых бытовых отношений на почве внедрения нового быта—такова наша перспектива, основанная на общих путях социалистического строительства.

Здесь мы вплотную подходим к реконструктивному периоду в его решающем значении и для проблемы алкоголизма и преступности.

Анализируя влияние основных процессов, протекавших в восстановительном периоде, мы останавливались главным образом на тех моментах, которые могли способствовать об'яснению имевшей место кон'юнктуры преступности, высокой роли алкогольного фактора, вообще повышенного уровня алкоголизма. Но, говоря об этих явлениях, констатируя колебания кон'юнктуры преступности, отмечая совокупность неблагоприятных условий на почве неизжитости старых бытовых отношений, на почве неустроенности нового быта,—указывая на экономическое и культурное строительство в их диалектической связанности, мы должны подчеркнуть и элементы качественных перерастаний старых—восстановительных—тенденций в совершенно новые, резко выступающие уже на рубеже второго года пятилетки. Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) по этому поводу отметил: „Рост народного хозяйства и его социалистического сектора сопровождался и был в значительной степени обусловлен ростом творческой активности широчайших масс рабочего класса, нашедшей свое выражение в социалистическом соревновании, развертывании самокритики, проведении дня индустриализации, широчайшей подписке на заем индустриализации, значительно повысившей общую сумму выпуска займа и т. д. Оживилась на основе дальнейшего усиления связей с широкими массами трудящихся работа всех организаций рабочего класса (партийные организации, профсоюзы, советы),

перестраивающих приемы и методы своей работы и все в большей степени поворачивающихся лицом к производству, лицом к непосредственным хозяйственным задачам социалистического строительства". Эти факты первостепенной важности, играя столь большую роль в строительстве экономическом, вместе с тем и наполняют новым содержанием бытовые отношения, связи и навыки рабочего класса, ведут к созданию последовательно-социалистической культуры, создают об'ективные условия, парализующие влияние алкоголизма и прочего дурмана. Социалистическое соревнование, самокритика, непрерывка—вот основные и надежнейшие условия и гарантии коренных сдвигов в проблеме алкоголизма и преступности на основе поступательного развития социалистической экономики в плане первой и второй пятилетки.

В области строительства сельского хозяйства необходимо подчеркнуть тот факт, что „удалось повернуть основные массы крестьянства в целом ряде районов от старого капиталистического пути развития... к новому социалистическому пути развития... Нам удалось организовать этот коренной перелом в недрах самого крестьянства и повести за собою широкие массы бедноты и середняков, несмотря на неимоверные трудности, несмотря на отчаянное противодействие всех и всяких темных сил—от кулаков и попов до филистеров и правых оппортунистов" (И. Сталин). Переход основных масс крестьянства к новым, высшим формам сельского хозяйства является и основной предпосылкой трансформации общественно-бытовых отношений крестьян-колхозников. Этому всемерно способствует и широкая программа культурного строительства в колхозах, намеченная ноябрьским пленумом ЦК ВКП(б).

Так изменения в „истинном базисе всех исследуемых явлений" приводят к коренным изменениям в „культурной надстройке", так проблема „культурных ножниц", особенно острая в восстановительном периоде, приобретает новое значение, ибо сама культура социалистического общества, в свою очередь, стимулирует развитие в сторону социализма [4].

В условиях обострения классовой борьбы строительство социалистической культуры становится одной из актуальнейших задач, поскольку проблема культурной революции есть, прежде всего, проблема классовой борьбы. И такой же острый классовый характер приобретает борьба с алкоголизмом и преступностью.

В настоящее время трудно было бы уже подводить итоги влияния пройденного этапа реконструктивного периода на состояние преступности, на алкоголизм. Можно уже теперь подчеркнуть понижение уровня потребления алкоголя в 1928/29 г., замедление увеличения $^0/_0$ пьяных среди осужденных и, насколько можно судить по предварительным данным, приостановление роста числа преступлений против личности.

Намеченные нами тенденции с неумолимой четкостью рисуют поступательное движение закономерностей переходного периода в его новой, более сложной и более высокой фазе. „Мы идем на всех парах по пути индустриализации—к социализму, оставляя позади нашу вековую „рассейскую" отсталость. Мы становимся страной металлической, страной автомобилизации, страной тракторизации. И когда посадим СССР на автомобиль, а мужика—на трактор,—пусть попробуют догнать нас почтенные капиталисты, кичащиеся своей „цивилизацией". Мы еще посмотрим, какие из стран можно будет тогда определить в отсталые и какие в передовые» (И. Сталин).

[4] См. статью „Основные черты современной преступности в РСФСР", „Рев. права" № 4, 1929.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ангаров, А. И., Берман, Я. Л. (ответ. редакт.), **Дзенис, О. П., Климов, М. Е., Кривошеина, Е. П., Михайлов, Г. С., Пашуканис, Е. Б.** (ответ. редакт.), **Разумовский, И. П., Стальгевич, А. К., Стучка, П. И.** (ответ. редакт.), **Челяпов, Н. И., Черняк, И. М. и Эстрин, А. Я.**